

«Судьба меня хранила...»

Есть такое выражение – писатель оставляет в наследство людям свои книги, художник – полотна, а учитель живет в своих учениках, в их поступках и мыслях. В этом и есть его творчество. Оно не предается забвению даже спустя много лет, в чем я еще раз убедилась, пообщавшись с учениками Василия Ермолаевича Поселеннова. Несколько лет назад они обратились с просьбой: «Напишите о нашем учителе! Исполняется 100 лет со дня его рождения. Пройти мимо этой даты мы, его ученики, просто не можем».

Прошло уже 5 лет, но масштаб его личности, познанный лишь заочно, до сих пор отзывается во мне теплотой воспоминаний убеленных сединами земляков и светлой печалью, что вместе с такими людьми уходит целая эпоха...

Василий Поселеннов всего себя посвятил родному городу и нурлатцам, любимой маме, своим многочисленным ученикам. Это человек удивительной судьбы, которая вопреки невероятным испытаниям хранила и оберегала его на всем земном пути. Осиротев еще на первом году жизни и беззащитно приникший к совсем незнакомой женщине, он обрел в ней любящую мать и буквально боготворил. Ее молитвами он прошел огненными дорогами Великой Отечественной войны и остался невредимым в плену, пережил необоснованные обвинения и бесконечные вызовы «на ковер». Но и тогда, среди непонимания и упреков, находил утешение в любимой работе, творчестве. Ценил истинную дружбу, сам в дружбе был верным, честным, надежным и бескорыстным. Вокруг него всегда были ученики, которые любили его за непосредственность в общении, тонкий юмор. Он чутко понимал способности детей и по его предмету, а преподавал он немецкий язык, не было отстающих. В этом и проявлялась в высшей степени демократичность учителя. Многие годы своей жизни Василий Ермолаевич посвятил школе №61 в Нурлате. Хотя обстоятельства и вынудили на время покинуть город, возвращение к родным пенатам стало для него самым дорогим подарком судьбы.

«Ему здесь был дорог и любим каждый гвоздок, – с невыразимой теплотой и почтением говорит о своем учителе Галина Лизунова. – Василий Ермолаевич остался в памяти уникальной и неординарной личностью, вложившей в меня частичку своего сердца».

«Он был примером для нас, проявлял трогательную заботу о матери, до последнего дня оставался преданным родному городу, – присоединяется к этим словам внучка Василия Ермолаевича Ирина. – Жизнь его ставила в

сложные условия, но он всегда стремился домой. Многие в Нурлате знают и помнят его. Он продолжает жить в своих учениках».

«Это учитель Божьей милости», – каждый раз с почтением произносит имя своего учителя Людмила Алексеевна Куколева, педагог с 30-летним стажем.

Мое знакомство с Василием Ермолаевичем произошло по рассказам его преданных учеников, долгожителей Нурлата, старым газетным вырезкам, дневнику Василия Поселеннова, найденного Сергеем Вершининым из Центра «Прожито» среди оцифрованных материалов в Военном архиве Германии (Фрайбург) и переведенным обратно на русский (<https://prozhito.org/person/8777/1>). У внучки Василия Поселеннова сохранилась статья учительницы школы №1 С.Ефремовой «Судьба меня хранила...» Так при жизни неоднократно повторял Василий Ермолаевич. А еще мне передали уникальную видеозапись, сделанную для домашнего архива. На ней фронтовик теплым летним утром в уютной семейной обстановке рассказывает о своей жизни. Здесь, в небольшом добротном доме на тихой улице Ленина микрорайона сахароваров и жил этот удивительный человек, судьба которого – это судьба тех, кто прошел войну, хлебнул с лихвой горечь потерь и боль утрат, изведal сполна испытания и беды.

«...Это очень давняя история, но я о ней всю жизнь помнил. Я и не забывал, что вырос сиротой, – так начинает свое повествование Василий Ермолаевич. – Мои родители были беженцами из Польши. Они временно обосновались в селе Кошки Куйбышевской области. У отца, а он был самый младший из 5 братьев в семье, был ранний роман с моей матерью. Потому что, когда она умерла от тифа, ей было всего 18 лет. Отца к тому времени тоже уже не было, он был мобилизован в Красную Армию, погиб под Симбирском. Родная моя настоящая фамилия – Литвинский. Отец – Викентий Александрович, а матушка – Юлия Даниловна, в девичестве Андриюк – была белорусской. Но в детстве я почему-то не любил, когда мне рассказывали о моих настоящих родителях, потому что очень любил своих приемных отца и маму. Они были бездетными, и тетя предложила посмотреть на меня, осиротевшего мальчишку, которого собирались отдавать в детский дом. А голод в то время был страшный, и не каждый мог решиться на такой шаг. Я же маленькими ручонками, мне от роду 8 месяцев всего то и было, сразу вцепился в свою новую маму, что и не оторвать. И это побудило ее не отказаться от меня. Уже было решено забрать меня через неделю, но что-то произошло, и мои новоиспеченные родители не приехали за мной. Тогда родственники родной матери решили все-таки отдать меня в детский дом, но на день повременили с этим решением. Это, наверное, сама судьба сохранила меня от горькой участи. В детском доме накануне отравились малыши и 12 из них не удалось спасти. А через неделю меня усыновили. Вот таковы мои скитания в самом раннем детстве...»

В школе Василий Ермолаевич после начального звена был определен в немецкий класс. В Кошках в то время жили немцы, переселенные еще в царские времена. Так и перенял язык от своих одноклассников. Не только

болтал с ними по-немецки, но и писать, читать умел. Это стало толчком к тому, что после школы сам начал преподавать детям немецкий язык. Окончил Ульяновский учительский институт. Прошел аттестацию специальной комиссии и получил право преподавания немецкого языка в 5-7 классах. Но началась всеобщая мобилизация по Ворошиловскому закону. Шла финская война. В декабре 1939 года Василий Поселенов был призван в армию. Эшелон, в который погрузили новобранцев, шел на Москву. Думали, везут на финскую, но от Москвы эшелон круто повернул на юг, и вскоре они были в Киеве. По пути следования узнали – кончилась война. В небольшом городе Васильково новобранцам было объявлено о наборе в военное училище. Вызвали к комиссару и Василия Поселеннова. «Хотите стать военным?» – обратился он к стоявшему перед ним молодому человеку. «Я учитель, к тому же, война кончилась», – был ответ. Но комиссар оказался настойчивым: «Если Вы учитель, то должны понимать, что может начаться другая...»

Так Василий Ермолаевич становится курсантом общевоинского пехотного училища. Быстро освоился с теми жесткими требованиями, которые были нормой в училище. Ему нравилась воинская дисциплина, очень скоро научился щегольски носить курсантскую форму. Примером подражания для курсантов был начальник училища полковник Руднев (впоследствии он был начальником Казанского суворовского училища).

Поначалу училище находилось в Славуте, затем перевели в Дердичев. Отсюда Василий Поселеннов и его боевые друзья шагнули в ту страшную неизвестность, которая именуется коротким словом – война.

294 стрелковая дивизия, куда был приписан Василий Поселеннов, формировалась в Липецке и сразу была направлена под Ленинград. Волхов стал местом ее боевого крещения. Тяжелые бои, отступления, страшные человеческие потери – такими запомнились первые дни войны. Зимой 1942 года в одном из номеров газеты «Правда» был помещен материал о боях на Волховском фронте, где упоминалось имя капитана В.П.Поселеннова.

Как оказалось, он и сам вел дневник. Судьба написанного слова может быть поистине невероятной. Думал ли тогда капитан РККА Василий Поселеннов, сидя в блиндаже под бомбежкой под Синявино, что не пройдет и месяца, как доверенные им дневнику сокровенные мысли о войне в немецком переводе лягут на стол генерала для особых поручений Главного командования сухопутных войск вермахта (ОКХ), а несколько позже и рейхсляйтера Альфреда Розенберга, уполномоченного фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП?

ОКХ напечатает отрывки из дневника Поселеннова готическим шрифтом огромным тиражом и в пропагандистских целях разошлет в части вермахта на Восточном фронте, чтобы поднять боевой дух и укрепить веру в собственное превосходство над Красной армией. Их будут читать все, вплоть до уровня роты. Кстати, опасения именно такого использования дневников, попавших в руки неприятеля, и было основой запрета их ведения на фронте.

Дневник Василия Поселеннова был найден среди оцифрованных материалов в Военном архиве Германии (Фрайбург) и переведен обратно на русский. Его можно прочесть, пройдя по ссылке <https://ost-front.info/okh/8640/>. Русский (авторский) текст дневника пока не обнаружен. Переведенный обратно на русский отрывок – это рассказ о преследовании автора за нарушение приказа № 227 «Ни шагу назад!», обстановке в Красной армии на Волховском фронте, размышления о войне и судьбах поколения.

Вот некоторые записи дневника в переводе на русский язык:

4 сентября 1942

Снова в бой. Вчера был получен приказ о наступлении: пробиваться к Ленинградскому шоссе на Московскую Дубровку, чтобы прорвать кольцо блокады [имеется ввиду блокада Ленинграда. Описываемые события относятся к Синявинской операции (19 августа - 10 октября 1942 г.) - наступательной операции Волховского фронта с целью соединения с частями Ленинградского фронта и прорыва блокады Ленинграда].

Сегодня вышли на исходные позиции. Положение дивизии следующее: на фронте шириной 2 км наши части продвинулись вперед на 3-3,5 км и угодили в «мешок». Похоже, двигаться дальше без предварительного расширения прорыва на флангах было бы большой глупостью. И несмотря на это наш 861-й стрелковый полк [294-я сд] по приказу командующего корпусом генерал-майора Гагина [генерал-майор Николай Александрович Гаген (1895-1969) - командир 4-го гвардейского стрелкового корпуса в ходе Синявинской операции осени 1942 г.] весь день атакует, так и не продвинувшись с исходных позиций. К 18.00 полк потерял 65% рядового состава и почти 100% командиров. Наш 859-й стрелковый полк, не ведя боев, из-за авиа[ционных] налетов и арт[иллерийского] огня потерял 50 человек.

9 сентября 1942

Личный состав тает, а успеха нет. Крики, шум, угрозы и проклятия - к чему это все? А успеха все нет.

Командовал полком до 10 сентября, потом меня сменили. Причина: 8 сентября батальон, в котором было около 50 человек, при поддержке трех танков KV-1 и четырех разведывательных танков Т-70 перешел в наступление. С огромным трудом ему удалось продвинуться на 400 м. В результате пять танков были подбиты. Пехота залегла. Несчастная кучка людей, обстреливаемая с трех сторон.

На рассвете противник контратаковал силами 50 автоматчиков и одного танка. Пехота отступила на исходные позиции. Причина: неприкрытые фланги, малая численность, отсутствие командиров - не батальон, а небольшой отряд, находящийся в шатком положении из-за непрерывного огня неприятеля. Политическая ответственность за это лежит на мне. Чтобы подтвердить мою вину используется целый арсенал слов и выражений: «неисполнение приказа №227» [приказ №227 Народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина от 28.7.1942 года, запрещающий отход войск без приказа], "не провел надлежащей подготовки", "плохо командовал" и т.п.

10 сентября 1942

Наступление целой дивизии выродилось в атаки вслепую разрозненных ее частей. Командиры наверху не доверяют тем, что внизу. Орут «Вперед!», «Сегодня я тебя расстреляю!» и т.п. Замечательная система командования. Командиры артиллерийских частей, которые должны оказывать поддержку, слоняются пьяные, танкисты трусят. Происходит что-то ужасное. Когда же в нашей армии, наконец, будет порядок?

План операции по прорыву блокады разработан неплохо. Однако снабжение просто ужасное. Из-за неумелого командования и плохого маневрирования, наш полк с 1 по 10 сентября потерял 1064 человека, а 861-й стрелковый полк за три дня - 1300 человек.

259-я стрелковая дивизия в печальном состоянии, также, как и 32-я, 140-я и 137-я стрелковые бригады. В 33-й стрелковой бригаде имеются автоматчики, 374-я стрелковая дивизия только что вступила в бой, но еще на подходе к фронту потеряла до 30% личного состава. Что же будет дальше? До соединения с Ленинградским фронтом остаются, как говорят, каких-то 3-4 километра. Но мне трудно в это поверить.

Было объявлено, что теперь мы находимся в подчинении 2-й ударной армии: 4-й гвардейский стрелковый корпус, мы и еще кто-то. Только название изменилось, а людей не хватает. Сегодня разговаривал с полковым комиссаром Волховского фронта по поводу моего отступления. Думаю, меня ждут еще другие подобные беседы, а потом 10 лет или что? Главное, виновный найден и точка!

Жду решения моей судьбы.

11 сентября 1942

Дожил до 11 сентября. Если это можно назвать счастьем, то это оно. Сижку в оперативном отделе штаба дивизии и ожидаю решения своей судьбы. Стоило мне прожить и провоевать так долго, чтобы совсем скоро, а может, и прямо сейчас получить приговор.

7 сентября ранило командира и комиссара полка, и мне было приказано принять на себя командование полком. Полк, еще на подходе потрепанный налетами немецкой авиации, был задействован 5 сентября, имея задачей овладеть дорогой Келколово - совхоз Торфяник. Приказ: атаковать тремя эшелонами при поддержке 849-го артиллерийского полка [294-я сд], минометного дивизиона и иных сил. 4-го и 5-го нам не удастся продвинуться.

12 сентября 1942

Сижку в особом отделе штаба корпуса. Положение мое пока совершенно неопределенное. Неужели меня вправду могут расстрелять? Чем черт не шутит.

Неприятельская авиация не прекращает свои бомбежки. Земля содрогается от разрывов бомб. Кажется, немцы хотят смешать нас с землей. Их боевые машины идут непрерывным потоком и сбрасывают, и сбрасывают бомбы. Когда же это закончится? Вокруг крошечный ад.

Чтобы расширить место нашего прорыва прибыл 6-й гвардейский стрелковый корпус со своими 22-й, 23-й и 53-й стрелковыми бригадами, а также другими частями. Сегодня они перешли в наступление. Добились ли успехов - не знаю. Наверное, таких же, как и мы. Дорого обходится нам эта операция.

Виноградов расстрелян [на самом деле был осужден на 10 лет, в 1943 снята судимость на фронте], Куртов и Каретин [или Карестин] убиты, Муромцев [или Муронцов] ранен. В полосе шириной 2 км до переднего края трупы и трупы - людей и лошадей.

Ужасный запах.

Ночью из дивизии отправился в штаб корпуса. Однако из-за артиллерийского огня не пройти. Дорога полностью блокирована. Повсюду подбитая и разорванная техника и снаряжение. На дороге пьяные из заградотряда, только что кого-то задержали.

Ночью добрался до особого отдела, где меня неплохо приняли.

Заночевал у них. Приятные ребята.

В лесу околачиваются дезертиры и большое количество членовредителей. Не успевают расстреливать и отправлять в тыл. Ну что за народ?

Писем ни от кого не получаю. Как там в полку? Только что подбили наш самолет. Посыпался вниз как горох.

13 сентября 1942

Погода пасмурная, поэтому меньше немецких самолетов и настроение получше.

Сижу, ничего не делаю. Я ничего не предпринимал, но рассмотрение моего дела отложено. Что ждет меня? Куда меня определят после всего, что случилось?

Прочел информационный доклад, в котором указаны количество и номера разбитых дивизий. Среди уничтоженных мне встретились 223-я, 227-я пехотные дивизии и 5-я горнопехотная. Это несколько озадачило меня - 5-я горнопехотная дивизия продолжает наносить удары по нам, и притом довольно чувствительные. Жаль, что не приводятся номера наших стрелковых дивизий.

Тошно думать об одном и том же. Встретил знакомую из Ульяновска, которая знает Клаву и других моих знакомых. С удовольствием поговорил с ней. Писем не получаю. Как там дома? Что с мамой? Господи, как я переживаю за них. Что будет с ними, если со мной что-то случится? Ах, если бы у меня никого не было, все было бы совершенно иначе.

15 сентября 1942

Пока еще жив. Как объяснить мое сегодняшнее спасение? Во время привычного авианалета спустился в блиндаж артиллеристов. Рядом разорвалась бомба. Блиндаж обрушился. Несколько трупов и раненых, мне ничего. Господь все еще милостив ко мне. Мы выползли через окно. Что за ужасная картина! Стоны и крики! Самолеты по-прежнему не оставляют нас в покое. Наши бомбардировщики пролетели мимо, сбросив бомбы, но, кажется, по своим. Потерпи, дружок.

Был у прокурора. Он вник в мое положение и дал положительное заключение по моему делу. Документы по нему сейчас у прокурора 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Когда же это закончится? За год войны я отвык от безделья. Слоняюсь туда-сюда как неприкаянный.

Встретил парня из 2-й ударной армии. Он расквартирован в Путилово и, по его словам, их там тоже сильно бомбят. Что за чудеса? Сколько же у них самолетов? И сколько бомб? Они летят на нас каждый день с утра до вечера.

16 сентября 1942

От этих бомбежек можно сойти с ума. Целый день без перерыва, методично и массированно. Сколько еще можно это выносить? Понять невозможно. Наша авиация на нашем участке выглядит смешно. Прилетает на пять минут, сбрасывает половину бомб по своим, а вторую половину мимо целей и испаряется. Сегодня я несколько раз был на волосок от смерти. Но Бог милостив ко мне. Отделался испугом.

Живыми нам не выбраться из этого чертова котла. Год назад ровно на этом месте мы совершали те же самые глупости. Те же неуспехи, те же ошибки. Когда же и у нас станет так, как на другой стороне? Они снова налетели. Рев моторов, действенность их ударов просто ужасающая.

Домой тоже не пишу. Мое дело где-то болтается, а я ничего не делаю.

Похоже, я скоро сойду с ума.

18 сентября 1942

Сейчас ночь. Я снова в своем полку. Занял свою прежнюю должность.

Похоже, все неприятности закончились. Был сегодня у командира дивизии и говорил с ним. Он рассказал, что от него требовали расстрелять меня. Странно! Ну почему всегда так? Он назвал мне задачу, которая была поставлена перед полком. Чувствуется, что он сам не верит в успех. Задача: продвинуться вперед через болото на 700 метров, перед нами противник на оборудованных позициях.

Когда я вернулся в полк, мне удалось собрать группу всего из 38 человек. Больше не найти, как ни старайся. Что дальше? Вероятно, нас отведут для пополнения. Или пополнение прибудет сюда к нам. Такими силами нам не устоять, враг может отбросить нас. Из вооружения осталось: восемь автоматов, один ручной пулемет, два станковых пулемета, два 76-мм орудия и четыре миномета. Все очень печально.

Только что написал письмо В. Шуляк [или Шукяк]. Слышал, что мне от него пришло письмо, но мне его пока не вручили.

С немецкой стороны с расстояния в 150 метров в мой командный пункт летят трассирующие пули. Сильный ружейный и пулеметный огонь. Весело.

25 сентября 1942

Теперь я испытал на себе все «прелести» войны. И вот она последняя «прелесть» - окружение. То, что произошло, нельзя назвать окружением, но мы отрезаны от своих.

Почты нет, подвоза питания нет, боеприпасы почти на исходе.

Продовольствие распределяем так: одна суточная норма на четыре дня. Сегодня уже ощущаем последствия такого режима. Я сам пока нет, а вот остальные. Моральное состояние не могу назвать плохим, скорее, безразличным. Только и слышны разговоры, что наша бедная дивизия еще ни разу не оказывалась в таком положении. Хотя бивали нас часто.

Любые дневники как слепок времени, безусловно, гораздо ценнее воспоминаний. Поэтому усилия команды Миши Мельниченко из Центра «Прожито» по формированию электронного корпуса эго-документов заслуживают всяческой поддержки.

Не менее драматична и судьба самого автора текста – Василия Ермолаевича Поселеннова, начальника штаба 859-го стрелкового полка 294-й стрелковой дивизии, которому выпало в течение нескольких дней командовать полком, когда был выбит весь командный состав. Осенью 1942 года его полк участвовал в Синявинской операции – наступлении Волховского фронта с целью прорыва блокады Ленинграда. Полк был окружен. Немцами был открыт такой шквальный огонь, что невозможно было подняться. Сквозь огонь то и дело натыкались на мертвые тела, горстка солдат пробиралась в надежде выйти из этого пекла, остаться в живых. Но тогда еще никто не мог предположить, какова будет цена жизни. 30 сентября 1942г. Василий Поселеннов попал в плен.

Многих нашли ранеными, но Василия Ермолаевича судьба хранила, словно хотела проверить на верность и преданность. Он потерял счет времени – их все гнали и гнали, голодных, измотанных, раненых. Невыносимо тяжело и тревожно было на душе, обидно и горько, что случилось это тогда, когда они уже знали о назревающих событиях под Сталинградом. Тысячи пленных были согнаны в Гатчину, откуда их повезли в Германию. Василий Ермолаевич прошел лагеря военнопленных в Гатчине (дулаг-154), Пскове (шталаг-372), офицерский лагерь Кальвария шталага-336

(Литва), затем шталаг IX А в Цигенхайне (Германия). Когда их привезли в немецкий город Кюстрин, что находится недалеко от польско-германской границы, Василий Ермолаевич встретил человека, который навсегда вошел в его судьбу. Этим человеком был Алексей Петрович Печалев, впоследствии замечательный хирург. Встретились они в 1943 году и больше не расставались.

Лагерь в Кострине отличался своей почти вакуумной изолированностью, туда не проникала даже малейшая информация о событиях на фронте. Через много лет Василий Ермолаевич снова увидел лагерь, но теперь уже в кино. В Кострине, в том самом лагере, снимался фильм С.Бондарчука «Судьба человека». После четырехмесячного пребывания в Кострине, пленных стали отправлять в разные лагеря, среди них был и Даху. Но судьба смиловилась – Василий Ермолаевич был отправлен в Цигенхайн, где он попал в офицерское отделение. Здесь их кормили немного лучше, стало ясно, что пленных готовили к физическим работам. В конце 1943 года их отправили на работу на знаменитую свечную фабрику фирмы «ГИЗ» в г. Фульда (ФРГ).

В начале марта 1945 года пленных спешно стали эвакуировать в глубь страны, так как шло наступление Советской Армии. Несколько дней их гнали пешком. Однажды откуда-то налетел неизвестный самолет, наделал невероятный шум, началась паника. Воспользовавшись этим, несколько человек откололись от колонны и сумели скрыться. Среди них был и Василий Ермолаевич. Заросший овраг на долгое время стал надежным укрытием. Ночью они выбирались – надо было хоть чем-то кормиться. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы в один из апрельских дней не услышали рокота танков. Когда выглянули, то увидели на танках белую пятиконечную звезду – это были американцы. Вскоре они заметили, что в овраге кто-то есть – открыли огонь. Пленным ничего не оставалось, как объявиться. Истощенными, изможденными – такими увидели их американцы. Их вымыли, одели, дали немного водки, напоили какао и уложили спать. Впервые за долгое время их измученные тела пленников обрели покой. Вскоре они вновь прибыли в Фульду, где Василий Ермолаевич снова встретил Алексея, тоже бежавшего, но в суматохе оказавшегося в другой группе.

Весь апрель-май-июнь 1945 года пробыли они на довольствии союзников. Не проходило дня, чтобы не обращались с вопросом об их возвращении на родину. Им отвечали «не торопитесь», словно знали, что их беды еще впереди.

Вскоре в г. Магдебурге состоялась передача советских военнопленных. По ту сторону реки, где находились части Советской Армии, пленных было очень много и всем им казалось, что беды их позади, они остались там, за той рекой. Но началась другая жизнь, не менее тяжелая, не менее унижительная.

От Магдебурга до Берлина путь не близкий, и весь он пройден пешком. Без еды и отдыха, в тоске и безысходности. Казалось, не будет конца всем мучениям и страданиям. Конвой издевался над и без того намученными

людьми. Стократ было горше от сознания того, что там они были у врага и все испытания, лишения хоть этим оправдывались, но почему на своей стороне они оказались лишними, чем объяснить такую незащищенность, в чем их вина?

Через многое прошел, многое испытал и претерпел Василий Ермолаевич, прежде чем вернуться домой. Случилось это в конце октября 1945 года. Осенней ночью ступил он на перрон родной станции. Встречала сына Евдокия Михайловна одна.

В ноябре он уже устроился на работу в железнодорожную школу, здесь его знали, как хорошего учителя. На третий день работы в школе Василия Ермолаевича вызвали в райком. Шел и знал почему, мысленно был уже готов к разговору. С этого дня начались бесконечные вызовы в райком, необоснованные обвинения, от него отвернулись люди, которые знали его еще до войны, с кем когда-то работал. «Чувствовать себя изгоем не в моем характере, я много времени проводил в клубе железнодорожников, среди людей», – говорит Василий Ермолаевич, вспоминая тот период своей жизни. Спектакли, концерты, всевозможные вечера – во все это вкладывал он немало сил и энергии.

Но случилось так, что на некоторое время вроде бы его оставили в покое.

В 1964 году умерла Евдокия Михайловна, мать, Василия Ермолаевича, которую он боготворил, любил нежной сыновней любовью. Перед смертью она просила сына похоронить ее по всем христианским обрядам. Исполнить просьбу матери для сына было святым долгом.

«Мама была верующей, по натуре доброй, отзывчивой женщиной, до сих пор в глазах похоронная процессия – много людей», – с волнением вспоминает Василий Ермолаевич и ненадолго замолкает.

Не успевшего прийти в себя Василия Ермолаевича вызвали в райком. Похороны матери стали поводом очередной травли. Секретарь райкома Баян Камалеевна Камалеева дала понять, что нет тут никакой вины Василия Ермолаевича, но обязана была отреагировать.

Обстоятельства вынудили на некоторое время покинуть Нурлат. С 1964 по 1977 годы он жил и работал в одной из средних школ города Тольятти. Его переезду туда был рад тот самый Алеша, который вместе с ним делил все тяготы лагерной жизни.

«Здесь я оттаял душой, здесь я снова обрел себя, меня признали, во мне увидели хорошего учителя», – вспоминал Василий Ермолаевич. Его полюбили в коллективе, он всегда был окружен учениками. В городе его знали, как руководителя родительского университета, его голос часто звучал по радио, где выступал с беседами на тему воспитания, он говорил с родителями своих учеников со страниц городской газеты. Наконец-то труд Василия Поселеннова был оценен – Почетная грамота общества «Знание» РСФСР, Почетный знак «Отличник народного образования».

На второй день своего 60-летия Василий Ермолаевич вместе с женой Марией Андреевной, погрузив свое небольшое хозяйство в машину, вернулись в Нурлат.

«Все 13 лет я тосковал по Нурлату, не было ночи, чтоб во сне не видел свой Нурлат – любил и люблю его», – с теплотой он признался тогда своим друзьям.

Сколько людей погубила война: самых лучших тружеников, самых лучших мастеров. Но она не калечила в людях живую, человеческую душу, она не вытравивала из них доброту и сострадание. Судьба послала много испытаний, которые Василий Ермолаевич прошел достойно, и она же наградила его добрым и отзывчивым сердцем, любовью к людям, жизни, наделила широтой души и оптимистичным характером. Его не стало 26 октября 2000 года. Но память о нем продолжает жить в его учениках.

Маргарита Литта

Поселенов Василий Ермолаевич
Орден Отечественной войны II степени

Документ в юбилейной картотеке
Дата рождения: __. __. 1917
Место рождения: Куйбышевская обл., Кошкинский р-н, с. Кошки
Наименование награды: Орден Отечественной войны II степени
Номер документа: 84
Дата документа: 06.04.1985
Автор документа: Министр обороны СССР
Информация об архиве -
Архив: ЦАМО
Картотека: Юбилейная картотека награжденных
Расположение документа: шкаф 49, ящик 3

Поселенов Василий Ермолаевич
Медаль «За боевые заслуги»

Наградной документ
Дата рождения: __. __. 1917
Воинское звание: капитан
Кто наградил: Президиум ВС СССР
Наименование награды: Медаль «За боевые заслуги»
Дата документа: 24.09.1966
Информация об архиве -
Архив: ЦАМО
Картотека: Картотека награжденных
Расположение документа: шкаф 70, ящик 11

